

INSPIRIA

18+

жестокому

миру

вопреки

Сюзан

Абульхава

INSPIRIA

Сюзан Абульхава
Жестокому миру вопреки
Серия «Loft. Жестокому миру вопреки»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73893007
ISBN 978-5-04-246781-3

Аннотация

Лауреат премии Palestine Book Awards 2020 года.

Во внешнем мире Нахр называют террористкой и проституткой; кто-то – революционеркой или героиней. Но правда в том, что Нахр всегда была многим сразу и носила разные имена.

Она была девочкой, которая рано и болезненно усвоила: когда ты человек второго сорта, любовь становится формой отчаяния; и прежде всего она научилась выживать.

Она была девушкой, приехавшей в Палестину в неподходящей обуви и не искавшей ничего особенного – но нашедшей то, чего ей всегда не хватало, в подвале старого салона красоты: цель, политику, друзей.

«Этот по-настоящему захватывающий роман о любви, страсти и политике – одновременно история личного и революционного пробуждения. Сюзан Абульхава создает напряженное повествование о Нахр и ее жизни – от юной

девушки до независимой женщины – вплетая его в более широкий контекст палестинского изгнания и сопротивления». – Вьет Тхань Нгуен, лауреат Пулитцеровской премии, автор романа «Сочувствующий»

Содержание

Словарь	7
I. Кувейт	19
Куб, Восток	19
Танцуй, рубиновая река	31
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Сьюзан Абульхава

Жестокому миру вопреки

Susan Abulhawa

AGAINST THE LOVELESS WORLD

Copyright © 2020 by Susan Abulhawa

Издательство выражает благодарность за помощь в подготовке издания Кристине Осиповой, кандидату филологических наук, доценту кафедры арабской филологии ИСАА МГУ

Перевод с английского *Людмилы Ивановой*

Литературный редактор *Мария Головей*

Художественное оформление *Екатерины Петровой*

Работа над книгой проходила в рамках творческих резиденций «Переделкино».

© Иванова Л., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

В память о Мейм Ламбет, женщине моей

*жизни. И об Амине Абульхава, женщине, которую
я всегда ждала.*

Словарь

абая Простая, свободная верхняя одежда или накидка, которую носят женщины в некоторых частях Северной Африки и на Аравийском полуострове. В Кувейте она традиционно черного цвета и ее носят как мужчины, так и женщины.

азан Призыв на молитву у мусульман.

Алла́ху а́кбар Бог велик. Эту фразу используют в любых обстоятельствах как напоминание, что Бог превыше всего и ведаёт обо всем, что посылаётся людям, будь то испытание или благословение.

Алла́ху ю́стар Боже упаси.

альма́с Бриллиант.

аль-ха́мду ли-л-Лях Слава Богу.

аль-ха́мду ли-л-Лях ас-саля́ме Слава Богу, ты цел и невредим (благополучно добрался).

аль-хильв ма бя́нса аль-халья́ва Сладкое о сладостях не забывает.

а́мми; а́ммо «Дядя» на палестинском диалекте; используется при обращении к старшим родственникам мужского пола или к любым старшим мужчинам в знак уважения.

арги́ле Кальян, курительная трубка.

астагфирулла́ Буквально «ищу прощения у Бога». Фраза произносится при столкновении с греховным или недостойным, но может употребляться и в шутовском контексте.

асы́ля Благовоспитанная женщина, почитающая традиции.

а́хлян Один из способов сказать «добро пожаловать» на арабском.

баббу́р Походная керосиновая плита.

бизи́р Жареные арбузные семечки.

бисми́ля С Богом.

бу́за Мороженое. Буза захаб – популярное мороженое в Кувейте.

вале Универсальное слово в разговорном арабском, которое может быть как оскорблением, так и ласковым обращением, в зависимости от контекста. «Вале» – форма женского рода от «валя». Английским аналогом может служить использование слов *girl* и *boy*. Среди друзей *girl* звучит по-дружески и мило, но, сказанное белым шовинистом в адрес темнокожей или смуглой женщины, оно превращается в оскорбление. В контексте этой книги используется первое значение.

вуду́ Омовение. Ритуальное очищение в исламе перед совершением молитвы.

гада́ Обед – самый важный прием пищи в арабской культуре.

гу́тра-у-ига́ль Традиционный головной убор арабских мужчин. Гутра – это платок, который закрепляется на голове с помощью игаля, черного шнура, дважды обернутого вокруг головы.

да́бка Буквально – «притопывание ногами»; это тради-

ционный левантийский танец, исполняемый палестинцами, ливанцами, сирийцами и иорданцами. Мужчины и женщины выстраиваются в линию или собираются в круг и исполняют синхронные движения, которые варьируются от региона к региону.

давали́ Виноградные листья.

джамид Твердый сухой соленый йогурт из овечьего или козьего молока. Ключевой ингредиент мансафа. Молоко процеживают через марлю для получения густого йогурта, затем ежедневно добавляют соль для дальнейшего сгущения и отделения сыворотки. Готовую массу формируют в шарики и сушат несколько дней в тени.

джа́фра Популярный стиль дабке, включающий целый жанр песен. Мелодии могут значительно различаться, но сохраняют базовый ритм, узнаваемый от песни к песне, что позволяет исполнять традиционные движения танца дабке.

дива́ния Просторное помещение в странах Персидского залива, где мужчины принимают гостей с деловыми или дружескими визитами. В традиционной дивании вдоль стен разложены напольные подушки. Посещение и организация таких приемов являются важной частью социальной и деловой жизни мужчин в Кувейте.

дина́р Денежная единица; кувейтский динар (KD) примерно в три раза дороже доллара США. По состоянию на конец 2019 года один KD примерно равнялся 3,37 доллара США.

дишдáша Свободная одежда длиной до щиколоток, обычно с длинными рукавами, которую носят в Африке, Иране, странах Леванта, на Аравийском полуострове и в Ираке. Мужские модели скромные, чаще белые или серые, тогда как женские отличаются разнообразием – от простых до богато украшенных сложными орнаментами в ярких расцветках.

дуá Молитва.

дунúм Единица измерения площади, составляющая около четверти акра.

зáатар Тимьян. Как правило, его измельчают, смешивают с кунжутом и подают с оливковым маслом и лепешками.

загарид Особое звукоподражание, выраженное длинными громкими трелями; сопровождается быстрым движением языка вперед-назад. Как правило, его издают женщины для выражения большой радости.

зáкира Память.

зáффа Традиционная свадебная процессия – молодожены и гости идут по улицам к месту проведения свадебного торжества. Обычно процессию возглавляют танцоры и музыканты, играющие на барабанах-бендирах, хаббанах и рожках.

зейт Масло; как правило, подразумевается именно оливковое масло.

зейт-о-зáатар Оливковое масло, смешанное с заатаром (тимьяном), – закуска, широко распространенная в пале-

стинской культуре.

зухр Полдень.

ибри́к Чайник или кофейник.

иншалла́х Если захочет Бог.

йимми «Мама» на палестинском диалекте.

йа Сатир О, Защитник. Обращение к Богу с призывом о защите; это выражение передает настороженность, опасение или вообще страх перед неизвестным.

ка́бба Расшитая нагрудная часть сауба (платья).

кна́фе Сырный десерт.

ку́збарат аль-аджу́з Дословно «пряность старушки», народное название растения адиантум (венерин волос).

ку́фия Клетчатый платок, изначально – мужской головной убор, сейчас его часто носят на шее представители всех гендеров. Черно-белый вариант характерен для палестинцев и стал символом палестинской национальной идентичности. Красно-белую куфию носят как палестинцы, так и другие арабы в Западной Азии и Северной Африке.

ля́бне Мягкий сыр из процеженного йогурта. Традиционно употребляется как легкая закуска в странах Леванта (Палестина, Ливан, Сирия, Иордания).

ма'лю́бе Традиционное палестинское блюдо, популярное в странах Леванта. Готовится послойно из мяса, риса и овощей с фирменными специями. Название переводится как «перевернутая», поскольку при подаче блюдо переворачивают на тарелку.

ма́нсаф Популярное левантийское блюдо из баранины, тушенной в соусе джамид (высушенный йогурт); подается с рисом, орехами и другими гарнирами. Национальное блюдо Иордании, также распространено в Палестине, Ираке, Сирии и некоторых странах Залива.

мачбу́с Национальное блюдо Кувейта, Бахрейна и Катара. Состоит из риса, приготовленного в особой смеси специй (кардамон, перец горошком, корица, кориандр, гвоздика, тмин, мускатный орех, паприка), с сушеным лаймом, под пикантным томатным соусом, с аппетитной румяной корочкой.

маша́ви Мясо на гриле.

ме́зе Легкие закуски, обычно включающие различные сыры, салаты и намазки (такие как хумус, мухаммара, лябне).

мисти́ка Природная смола мастикового дерева (*Pistacia lentiscus*). Также называется аравийской камедью; используется для ароматизации блюд и десертов.

миткаути́н Некувейтцы по происхождению, получившие гражданство Кувейта.

мса́хан Традиционное палестинское блюдо: на лепешку, испеченную в печи табун, слоями выкладывают лук, карамелизированный с сумахом, жареную курицу, миндаль и кедровые орехи.

муа́хар Одна из двух частей махра (выкупа), прописанного в брачном контракте. Мукаддам выплачивается авансом, чтобы скрепить брак. Муахар – отсроченная выплата, кото-

рая полагается жене в случае развода или смерти мужа.

мулухиййа Блюдо из листьев джута, распространенное в арабской кухне. Исторически происходит из Древнего Египта или Индии. Готовится на курином бульоне с чесноком, подается с рисом и лимонным соком.

мухаммара Переводится как «покрасневшая» и обозначает соус родом из Сирии. Готовится из острых перцев Алеппо, чеснока, молотых грецких орехов, оливкового масла, гранатовой патоки и панировочных сухарей.

мухтар Дословно «избранный» – уважаемый член общины, избираемый сельским советом в качестве лидера и примирителя в конфликтах.

наблюси Палестинский белый рассольный сыр из палестинского города Наблюс, возраст рецепта которого насчитывает 7000–9000 лет.

нахр Река.

ней Духовой инструмент, сходный с флейтой, который традиционно делали из полого тростника или камыша с отверстиями для пальцев. Это один из старейших музыкальных инструментов, сохранившихся до наших дней.

никаб Платок с прорезями для глаз, скрывающий лицо.

рада Расшитая плечевая часть сауба (платья).

Рашида, хабибат баба́ Рашида, папина любимица.

Руми Эпоха Римской империи.

саба́ху Можно перевести как «доброе» – сокращение от «доброе утра».

сая́мтик, альф саляма Буквально означает «благословения тебе, тысяча благословений», но выражает благодарность Богу за благополучие человека, особенно после болезни.

сая́т Молитва.

сауб Традиционное платье с вышивкой.

сиди «Дедушка» на палестинском диалекте.

сирваль Свободные брюки из легкого материала, которые обычно носят под дишдашей в арабских странах. Различные виды сирваля также носят в Иране, Индии и Пакистане.

ситт Госпожа/мадам.

ситти «Бабушка» на палестинском диалекте.

субха́н-Алла Слава Богу.

сук Рынок/торговый центр.

табу́н Глиняная печь, которую на протяжении тысячелетий используют в Палестине для выпекания хлеба. Огонь разводят в нижнем отверстии печи. Исторически такая печь была общей для всех деревенских жителей или больших семейств. Лепешка, выпекаемая в такой печи, носит то же название.

таксим Буквальное значение термина – «разделение»; это музыкальная форма, представляющая собой инструментальную импровизацию, которая предшествует традиционным музыкальным композициям.

та́раб Нет точного эквивалента этому слову в русском

языке. Оно описывает эмоциональное, даже духовное преобразование, происходящее при слиянии с музыкой. Явление, когда музыка «переносит» в иное состояние, идеально воплощается в понятии тараб. Ценить классическую арабскую музыку – значит понимать эту концепцию.

татриз Вышивка.

тафа́ддалю Пожалуйста (при обращении к нескольким людям).

тахт Буквально переводится как «кровать», но также термин означает арабский традиционный инструментальный ансамбль, типичный для Египта и Леванта; как правило, он состоит из таких инструментов, как уд, канун, кеманча, ней, рик и дарбука.

умм Мать.

усу́ль Восходит к слову «происхождение» или «корни»; в тексте означает приверженность принципам и традиционным ценностям.

фаджр Рассвет.

фаджр сая́т Утренняя молитва – первая из пяти ежедневных молитв в исламе.

фалля́хи Форма мужского рода единственного числа от *фаллях*, представитель крестьянства.

фарáнджи Жители западных стран.

Фа́тиха Дословно «Открывающая», первая сура Корана. В романе речь идет о традиции чтения Фатихи за упокой душ умерших.

фаттуш Салат левантийской кухни, распространенный в Палестине, Ливане, Иордании и Сирии. Обычно в его состав входят листья салата, помидоры, огурцы, редис и обжаренные кусочки лаваша. В некоторых семьях также любят добавлять зеленый перец, зеленый лук и петрушку. В арабском языке слово *фаттуш* происходит от *фатта*, что буквально означает «крошки» (от этого же корня происходит название сыра фета).

фуль Блюдо из бобов фава, обычно в виде пасты, приправленной специями и оливковым маслом.

ха'ек алейй Способ сказать «моя вина» или «прошу прощения». Буквальный перевод «твоя справедливость на мне» на русском не имеет смысла, но в арабском используется как устойчивое выражение для извинения.

хабиби Любимый.

хабибти Любимая.

хавийа Удостоверение личности.

хадер, йа ситт аль-куль Дословно «присутствие мое, госпожа всего» – вежливый и учтивый ответ, выражающий готовность выполнить просьбу.

хаджа Почетный титул для пожилой женщины, которая совершила паломничество (хадж) в Мекку.

халиджи Относящиеся к региону Персидского залива.

халья Один из вариантов сказать «тетушка».

хаммам Общественная баня в исламской культуре. Посетители начинают с парной, где их намыливают и растирают

специальными мочалками для удаления омертвевшей кожи, затем следует массаж с эфирными маслами и отдых в прохладном помещении. Иногда добавляют обливание ледяной водой или отдых на горячих каменных плитках.

хамр Буквальный перевод: «продукт брожения». В тексте означает алкоголь.

ханджар Традиционный оманский кинжал с очень острым изогнутым лезвием. Часто богато украшен; мужчины носят его по церемониальным случаям.

хара Район или квартал, обычно в бедных частях города.

харам Грех/греховный.

хейр Благословение, благо. В форме вопроса «хейр?» употребляется в значении «что? / в чем дело? / всё в порядке?».

хубз Хлеб.

хумус Богатая белком паста на основе тахини (молотых семян кунжута), нута, чеснока, оливкового масла, лимонного сока и соли. Традиционная пища Леванта (Палестина, Ливан, Сирия, Иордания), веками занимающая важное место в арабской кухне.

шаба́б Молодежь.

ша́бка Буквально «связующая» или «сеть». Как правило, термин относится к золотым украшениям, в том числе и обручальному кольцу, которое призвано «связать» молодоженов. В арабских странах она считается важной частью свадебного обряда, поскольку также обеспечивает невесте неко-

торию финансовую безопасность.

шакшука Блюдо арабской кухни, возникшее в Марокко, где яйца готовятся в томатном соусе с добавлением острого кайенского перца, чеснока, корицы, тмина, паприки, мускатного ореха и других специй. Шакшука – одно из многих арабских блюд, которые незаконно присваиваются и представляются израильской кухней, несмотря на то что они существовали за сотни лет до создания Государства Израиль.

шармут Форма мужского рода единственного числа для слова «шлюха». В тексте «шармут, ибн шармута» переводится как «шлюхан, сын шлюхи».

шармута Шлюха.

юмма Мама.

якут Рубин, драгоценный камень.

ялла Универсальное выражение, выходящее далеко за рамки простого «пойдем». В зависимости от ситуации может означать «давай уже», «хватит», «забудь», «действуй» или «шевелись».

яс^дид сб^утик Дословный перевод – « пусть твой голос будет счастливым». Употребляется, когда говорящий хочет передать любовь и радость от того, что слышит голос дорогого человека.

I. Кувейт

Куб, Восток

Я живу в Кубе. Тут гладкие серые стены из шлакоблока, на которых я царапаю чем придется – раньше ногтями, теперь карандашами, поскольку охранники приносят мне кое-какие передачи.

Свет проникает через маленькое стеклоблочное окно у самого потолка, куда добираются только соседствующие со мной многоногие ползучие существа. Я прикипела к паукам и муравьям, которые соорудили для себя отдельные доминионы и умудряются не пересекаться друг с другом на девяти квадратных метрах нашей общей вселенной. Свет застенного мира от солнца, луны и звезд или, может быть, просто люминесцентных ламп – точно не знаю – проходит сквозь рельеф стекла и ложится на стену красными, желтыми, синими и фиолетовыми узорами. Иногда по бликам скользят тени от ветвей деревьев, проходящих мимо животных, вооруженных охранников, а возможно, и других заключенных.

Однажды я попыталась дотянуться до окна. Я составила все, что у меня было, к изголовью кровати – тумбочку, маленькую коробку с туалетными принадлежностями и три книги, которые мне дали охранники («Список Шиндлера»,

«Как стать счастливым» и «Всегда будьте благодарны» на арабском). Хотя я вытянулась на этой куче во весь рост, достать смогла только до паутины.

Когда у меня еще были крепкие ногти и весила я больше, чем сейчас, то пыталась отмечать время, как это делают заключенные, – каждый день по одной черточке на стене группами по пять. Но вскоре я поняла, что фазы света и тьмы в Кубе не совпадают со сменой дня и ночи во внешнем мире. Это принесло облегчение, потому что следить за жизнью вне Куба стало мне в тягость. Отказ от необходимости вести календарь помог мне понять, что время нереально; в нем нет смысла, если ничего не ждать и ни на что не надеяться. Таким образом, Куб – пространство, лишённое времени. Вместо этого в нем есть зияющий простор чего-то безымянного, утратившего настоящее, будущее и прошлое, который я заполняю воспоминаниями из жизни или фантазиями о ней.

Иногда ко мне приходят люди. Их тела и речь передают атмосферу того привычного мира, в котором времена года и погодные условия сменяют друг друга; автомобили, самолеты, лодки и велосипеды перевозят людей с места на место, в котором все собираются поиграть, поесть, поплакать или отправиться на войну. Большинство моих посетителей белые. Пускай я не могу отличить день от ночи, по ним можно легко определить время года. Летом и весной их налитая солнцем кожа сияет. Они дышат легко и приносят с собой настроение всеобщего цветения. Зимой они бледные и уны-

лые, с потухшими взглядами.

До того как у меня поседели волосы, посетителей было еще больше, в основном это были бизнесмены из тюремной индустрии (и такое бывает), которые приходили осмотреть Куб. Эти элегантно одетые вуайеристы всегда вызывали у меня чувство опустошенности. Репортеры и правозащитники всё еще приходят, хотя уже не так часто. После визита Лены и той европейки у меня некоторое время не было посетителей.

Когда европейка, на вид чуть за тридцать, пришла взять интервью, охранник позволил мне остаться на койке вместо того, чтобы приковывать меня к стене. Я не помню, была она репортершей или правозащитницей. Возможно, она была писательницей. Я оценила, что она привела с собой переводчицу – молодую палестинку из Назарета. Некоторые посетители даже не думали об этом и рассчитывали, что я буду говорить по-английски. Я, конечно, могу, но английская речь мне нелегко дается, и я не собираюсь оказывать им такую любезность.

Ее интересовала моя жизнь в Кувейте и сексуальный опыт. Все они хотят услышать историю моей киски. Они слишком много себе позволяют, переходят на фамильярный тон, хотя никто не давал им на это право. Она спросила, правда ли я была проституткой.

– По-вашему, проституция как-то связана с сексуальным опытом? – спросила я.

На ее лице промелькнуло секундное замешательство.

– Нет, конечно нет, – наконец ответила она. – Давайте перейдем к следующему вопросу.

Она была высокой, ее каштановые волосы небрежно собраны на затылке. Джинсы, простая кремовая блузка, пиджак и удобные черные туфли. Никакой косметики. Она мне не понравилась. Но понравилась переводчица, которая была невысокой и темноволосой, как и я, и носила красные кроссовки *Converse* с четырнадцатью черными точками на белых резиновых мысках. Одна точка, затем девять и затем четыре: сто девяносто четыре, код, который мы использовали для общения, обходя израильскую прослушку. Таким образом, из каждого первого, девятого и четвертого слова складывались зашифрованные послания. Так я поняла, что она была не просто переводчицей. *Ее* имя я запомнила – Лена.

Сначала я растерялась. Метод «ста девяносто четырех» хорошо работал только с письменными сообщениями. Мы не могли считать, слушать, переводить и говорить одновременно. Потом я поняла, что Лена постукивает карандашом, когда переводит определенные слова. Должно быть, она заметила, в какой момент я это поняла, потому что слегка улыбнулась. Слова, которые она продолжала простукивать, складывались в похожие послания: «съешь записку», «положи бумагу в рот» и «блокнот – еда».

Интервьюерша опустила глаза, как будто не была уверена, стоит ли задавать следующий вопрос.

– О чем бы вы хотели поговорить? – спросила она.

В тот день я мысленно бродила по пляжам, пустыням и торговым центрам Кувейта, стране того образца, когда жизнь была намного проще.

– О *зейт-о-заатаре*, – выпалила я.

– Это палестинский хлебный соус? – спросила она Лену.

Лена кивнула, и женщина черкнула несколько слов, хотя я была уверена, что история ее не заинтересовала. Но я все равно ее рассказала:

– Когда мы жили в Кувейте, результаты экзамена тауджихи выпускников средней школы всегда публиковались в газетах, и палестинцы каждый год входили в десятку лучших выпускников. Кувейтцы были особенно встревожены в том году, когда в пятерку лидеров вошли только палестинцы, и начали распространяться слухи о том, что палестинцы такие умные, потому что едят так много зейт-о-заатара. Вся страна пустилась в марафон по поеданию зейт-о-заатара. Свежие поставки заатара тут же сметали с полок. – Я рассмеялась.

Европейка ерзала, слушая, как Лена переводит. Не обращая внимания на ее растущее нетерпение, я продолжила:

– Я-то знала, что это все неправда, потому что ела много заатара, но в школе никогда хорошо не училась. В девятом классе меня оставили на второй год за неуспеваемость по религии и математике, в том же году моему брату, Джахеду, предложили пропустить четвертый класс и перейти сразу в пятый. – Пусть это и были относительно счастливые време-

на, теперь вспоминать их было больно, мне хотелось сказать юной себе: ты достойна, умна и способна учиться, хоть весь мир твердит тебе обратное.

Европейка попыталась прервать меня, но я продолжила:

– Какое-то время я старалась хорошо учиться и просила младшего брата меня подтягивать. Но если в школе все поголовно считают тебя тупицей, сколько ни бейся, их не переубедить.

– Ваш брат... Я читала, что он был...

Я не дала ей закончить.

– Мой брат и *есть* невероятно умный, – сказала я. Она опустила взгляд в свой блокнот, хотя ничего в нем и не записала. Я знала, что ее не интересуют эти детские воспоминания. – Мне все равно, что вы там прочитали о брате. Джахад был нежным и ранимым. Когда он учился в средней школе, я узнала, что двое мальчишек издевались над ним. Я собрала свою банду подружек, и мы устроили им настоящую засаду за школьными воротами. После этого Джахад еще больше зауважал меня. Однажды летом...

Европейка подняла руку. Взглянув на свои записи, она прикрыла вопросы ладонями, глубоко вздохнула и медленно-медленно моргнула – словно дышала веками, – после чего сказала:

– Я где-то читала, что вы подверглись групповому изнасилованию в ночь, когда Саддам Хусейн вторгся в Кувейт.

Я приподняла бровь, что, по-видимому, смутило ее. Кра-

ем глаза я заметила, как уголки губ Лены едва заметно приподнялись.

Женщина продолжила:

– Я могу только представить себе ужас той ночи, и мне жаль, что я заговорила об этом.

– Почему вы считаете нормальным спрашивать меня о таких вещах?

Лена поколебалась, но добросовестно перевела.

Женщина начинала закипать.

– Вы согласились дать интервью. Поэтому-то я и задаю вопросы, – сказала она и сделала паузу, чтобы еще раз вздохнуть, прикрыв веки. – Мне пришлось два месяца проходить проверку, чтобы провести с вами этот час. Я заранее согласовала все свои вопросы с властями. – В последних словах почти слышалось отчаяние.

Лена сказала это по-арабски, а затем попыталась сказать что-то еще взглядом.

В конце концов я ответила:

– О, но власти не согласовывали их со мной. Будьте уверены, я сделаю им выговор в связи с этой недоработкой. – Мой сарказм почти довел ее до слез, и это смягчило меня. Я добавила: – Но на ваш вопрос я отвечаю: нет. Я *не* подвергалась групповому изнасилованию в ночь, когда Саддам вторгся в Кувейт.

Она выглядела разочарованной, но продолжила расспрашивать, как я оказалась вовлечена в деятельность сопротив-

ления. Она назвала это «терроризмом». Она спросила о моей тюремной камере, которую назвала «милой комнатой», затем уточнила:

– Но я знаю, что это все равно тюрьма.

– Вы еврейка? – спросила я.

Она снова медленно моргнула.

– Я не понимаю, какое это имеет значение.

– Это имеет значение.

– Я пришла сюда как профессионал, а не из-за каких-то внутренних убеждений.

– И все же большинство профессионалов не назвали бы это место милым, – сказала я.

Она впиалась в меня взглядом.

– Учитывая, что вы сделали, я считаю, что оно даже лучше, чем вы заслуживаете. Ни в одной арабской стране вам не жилось бы так хорошо. Вас бы уже давно высекли и повесили.

Она закрыла блокнот и поднялась.

– Кажется, я получила все, что хотела, – сказала она, жестом приказывая охраннику выпустить их.

Охранник, который стоял над нами, следя за тем, чтобы ни европейка, ни переводчица не прикоснулись ко мне и не передали никаких предметов, защелкнул на мне настенные наручники, прежде чем открыть дверь.

Женщина обернулась.

– Я просто хочу, чтобы вы знали: мои бабушка и дедуш-

ка...

– ...пережили Холокост, – закончила я за нее.

Ее глаза наполнились презрением.

– Это на самом деле так. И они научили меня всегда быть справедливой. Именно за справедливостью я сюда и пришла, – сказала она.

Лена начала переводить, но я перебила ее.

– Вы пришли сюда совсем не за этим, – сказала я по-английски с достаточным презрением, чтобы скрыть унижение от того, что прикована к стене. Охранник приказал нам замолчать, и я была благодарна, потому что это позволило мне оставить последнее слово за собой. Этот крошечный осколок контроля значил для меня все – *абсолютно* все.

Позже раздался свисток, оповещающий о том, что в специальное отверстие просунули мой обед. Но когда я подошла к двери, кто-то по ту сторону прошептал: «Внутри хлеба».

Я забрала поднос и села на пол, отломилла небольшие кусочки лепешки и осторожно заглянула внутрь, помня о камере на потолке. Там он и был – многократно сложенный листок бумаги, завернутый в пленку. Я дождалась темноты, чтобы развернуть его, вложить в одну из своих книг и притвориться, будто читаю, когда снова станет светло.

«Перестань общаться с журналистами. Израиль распространяет историю о том, что мужчины-мусульмане всю жизнь издевались над тобой, а затем заставили присоединиться к террористической

группировке. Власти утверждают, что Израиль спас тебя, а тюрьма дала тебе лучшую жизнь. Ты единственная заключенная, которую посещают иностранцы. Им разрешено находиться в твоей камере. Это неслыханно! Подумай об этом. Они публикуют твои фотографии в чистой камере с большим количеством книг, чтобы показать, что Израиль – доброжелательная страна, даже по отношению к террористам. С твоей семьей все в порядке. Они передают привет. Мы всё еще боремся за то, чтобы они смогли навестить тебя. Съешь эту записку».

И без подписи я поняла, что это от Джуманы. Через эту записку я наконец узнала, что с ней все в порядке. Я едва помнила ее лицо, но скучала по ней. Мне хотелось, чтобы она написала что-нибудь о Биляле. Хотя бы какие-то новости. Или просто его имя. Или просто первую букву имени. *Б жив и здоров. Б передает привет.* Или просто *Б.*

Когда снова стемнело, я положила записку в рот, прожевала и проглотила. Я представила, как ужасно, должно быть, выгляжу на фотографиях в прессе. Мне не разрешают пользоваться зеркалом, но я знала, что мои волосы топорщатся без фена. Должно быть, на снимках они еще не такие седые, как сейчас, – да, я продолжаю беспокоиться о таких пустяках. Я давно не удаляла воском пушок над губой и не выщипывала густые брови. Вероятно, выгляжу я именно так, как европейцы представляют себе террористку, – неопрятной, волосатой, смуглой, уродливой. Но беспокоили меня даже не

эти фотографии. А те, сделанные много лет назад в Кувейте, что публиковались в арабской прессе во время судебного процесса надо мной. Я представляла, как их видит моя семья. Наверняка это сильно ранило мою маму.

Но теперь даже это меня больше не трогает. Ничто не может сохранять мягкость в заточении, даже сердце.

После визита Лены и европейки у меня очень долго не было посетителей. Мои волосы отросли почти на пять сантиметров, прежде чем я увидела другого человека – охранницу. Она вошла в Куб, держа в руках блокнот и два механических карандаша. Она могла бы просто просунуть их в дверное отверстие, но предпочла войти, объявив об этом через динамики, чтобы я смогла закрепить на себе настенные наручники. Я подумала, не она ли подсунула мне записку. Ей не разрешалось говорить, но, по-моему, она улыбнулась, увидев, как я обрадовалась передаче, которую она оставила на кровати.

Я долго боролась за то, чтобы заполучить письменные принадлежности. Но теперь я задумалась, что же написать. Письмо? Рассказ? Дневник? Может быть, стихи? Как только металлическая дверь захлопнулась и я смогла отойти от стены, я взяла карандаш и открыла блокнот.

Сейчас я смотрю на чистые страницы, пытаюсь рассказать свою историю – все, в чем я призналась Билялю, и все, что было после. Я хочу передать ее так, как это делают настоящие рассказчики, используя эмоциональные привязки, но

Эмоции для меня теперь – лишь слова. Воспоминания о прожитой жизни проявляются в образах, запахах и звуках, но никогда – в чувствах. Я ничего не чувствую.

Танцуй, рубиновая река

Я не помню, когда начала танцевать. Женщины моего поколения рождались в танце. Танцы были на всех совместных сборищах. Мы становились в круг, хлопали и пели, по очереди выходя в центр и показывая свои умения. По устремленным на меня взглядам я сразу поняла, что мой танец производил особенное впечатление.

Когда играла музыка, мое тело обретало полную свободу. Я никогда не пыталась следить за движениями, а полностью отдавалась мелодии и всем тем невидимым, непознаваемым силам, которые она пробуждала. Я лишь позволяла ритму скользить по коже, овладевать дыханием. Возможно, это люди и видели, потому что через танец я была ближе всего к истинной вере.

Восточный танец, который обыватели называют «танцем живота», может выглядеть выверенным и продуманным, хотя на самом деле все не так. Наш танец – это хаос и анархия. Он противоположен контролю. Главное – отказаться от власти над своим телом, дав свободу каждой косточке, связке, нерву и мышце. Каждому сантиметру кожи и жировой клетке. Каждому органу.

Наверное, это касается любого традиционного танца, но мне известны лишь ритмы Леванта, Вавилона, Халиджа и Северной Африки. Эта музыка укоренялась во мне, пока я

взрослела, и теперь навечно поселилась в моих костях. Песни Умм Кульсум, жалобный плач нея, мелодия кануна или надтреснутое гудение уда – звуки моей жизни. Они эхом раздаются во мне, преодолевая время, рассказывая истории, созданные этими древними инструментами. Как бы сильно я ни любила звучание Индии – богатые отзвуки ситара и тонкий голосок тумби, – или глубокую перкуссию и многослойные ритмы африканских барабанов, или пронзительный перезвон ксилофона, хотя все это и волнует мое тело, но не достигает тех глубинных течений, что уносят мое сознание, потому что это звуки других народов и историй, которые я услышала только во взрослом возрасте.

Музыка подобна речи, она – неотделимая часть культуры. Если не выучить язык в раннем возрасте, его слова навсегда останутся искаженными акцентом, несущим в себе отпечаток другого мира, не важно, как хорошо ты запомнишь лексику и грамматику, как сильно полюбишь интонации нового языка. Вот почему иностранные «танцовщицы живота» меня всегда раздражали. Меня оскорбляет использование нашей музыки в качестве подспорья, чтобы вертеться, трястись и прыгать.

Восточная музыка – это звучание меня самой, а танец – единственная нация, к которой я когда-либо хотела принадлежать, единственная религия, которую я исповедую. Когда я вижу, как женщины исполняют «танец живота» под музыку, которую они не понимают, в одежде людей, которых они

не знают или – что еще хуже – презирают, я чувствую, что они колонизируют меня и всех арабских женщин, хранительниц наших традиций и наследия.

* * *

История моей жизни началась в двухкомнатной квартире в Хавалли, кувейтском гетто, где после Накбы поселились палестинские беженцы. Хотя я выросла на историях о Палестине, в политике не разбиралась и вникнуть не стремилась. Пускай отец и возил нас туда каждый год, чтобы «обновить документы», в моем юном сознании Палестина оставалась страной давнего прошлого, далеким местом, где когда-то жила моя бабушка.

Как-то раз в четвертом классе Гамиля, моя одноклассница-египтянка, поддразнила меня, сказав: «Все палестинцы глупые, поэтому евреи и украли вашу страну». Я дернула ее за косы, повалила на землю и как следует ей наваляла. После этого меня отстранили от занятий, заклеив мив драчуньей. Это был один из немногих случаев, когда ситти Васфия сказала, что гордится мной. Никто в школе больше не осмеливался меня задевать.

До Биляля я никому не признавалась, что побила Гамилю только для того, чтобы меня отстранили накануне национального школьного экзамена. Мой уровень знаний был далек от идеала. Я боялась, что вскрыется моя тупость. До этого

я держалась лишь за счет списывания на контрольных, быстро запоминая ответы, и потому, что хорошо дралась. А когда мой брат, Джехад, достиг в учебе моего уровня, то он стал меня подтягивать. Он занимался со мной украдкой и часто говорил, что я «правда умная». Благодаря его поддержке я начала читать стихи и со временем могла наизусть рассказать некоторые величайшие и наиболее чувственные истории из арабской любовной поэзии. Именно благодаря этому я овладела письмом.

У мамы была коробочка с черно-белыми фотографиями, сделанными во времена ее жизни в Хайфе. Ее семья была состоятельной, но европейские евреи украли все, когда завоевали Палестину в 1948 году, – вплоть до мебели, книг и банковских счетов. В одночасье члены ее семьи остались без гроша за душой, а позже разъехались по разным уголкам земного шара или умерли. Она не любила рассказывать об этом. «Зачем беречь старые раны?» – обычно говорила она, но не в тот раз, когда я пересказала ей слова Гамили. Она позвонила маме Гамили и сказала, что ей лучше держать ее длинный египетский язык за зубами, если она не хочет, чтобы его отрезали. «Лучше замолкни, женщина, когда в следующий раз вздумаешь заговорить о Палестине, или я заткну тебе рот своей туфлей», – кричала она в трубку. Я пришла в восторг, услышав, как моя мама ругает мать Гамили, и не могла перестать хихикать.

Ситти Васфия, хаджа Умм Набиль, моя бабушка по отцу,

жила с нами. В отличие от мамы, она никогда по-настоящему не покидала свою деревню в Палестине. Как и я сейчас в Кубе вспоминаю родные места, бабушка мысленно бродила по Айн-ас-Султану. Она надоедала нам рассказами о своем детстве и о незнакомых людях. Она была уверена, что когда-нибудь мы вернемся.

– Это древнейший город в мире, глупая ты корова, – говорила она мне. – Очень древний. Даже древнее Иерихона. Если бы ты хорошо училась в школе, то знала бы это.

Позже, надеясь доказать, что я умная, я попросила Джехада помочь с датой.

– Ситти, я знаю, что Айн-ас-Султан был основан в семитысячном году до нашей эры.

– Ты думаешь, я этого не знаю? – сказала ситти. – Возможно, тебе все-таки стоит слегка похудеть. Никто не женится на корове.

У ситти Васфии случались моменты благодушия. В начальной школе она заплетала мне волосы, учила меня сворачивать виноградные листья, готовить цукини и печь хлеб. Зачастую же она без причины пребывала в дурном настроении, что почти всегда совпадало со звонками дочерям, тетушкам из Иордании, о которых я знала только понаслышке. В отличие от меня, брат в глазах ситти Васфии всегда был безгрешен, это делало ее оскорбления еще более обидными. Мама говорила, чтобы я не принимала это близко к сердцу:

– Просто ворчливая старушка, что с ней сделаешь? Она

это все несерьезно.

Я отыгралась на ситти Васфии, когда мне было пятнадцать, я уже тогда считала себя испорченной. Я была лидером школьной банды, которая подшучивала над учителями. Регулярно воровала конфеты в магазине на углу и однажды позволила мальчику поцеловать себя в губы. Я препиралась со взрослыми и как-то раз даже довела ситти Васфию до слез.

– Ты злобная старуха, – кричала я. – Поэтому твои дочери не предложили тебе с ними жить. Это не потому, что они переезжают, или у них слишком тесно, или какой там еще брехней они тебя кормят. Это все потому, что ты мерзкая старуха, которую все избегают, и, если ты не научишься нормально с нами разговаривать, мы тоже от тебя избавимся. Мы втроем ютимся в одной спальне, чтобы у тебя была отдельная комната. Ты должна целовать ноги моей матери за все, что она для тебя сделала. Если бы решение было за мной, я бы уже давно отправила тебя на улицу. И тебе отлично известно, что твои глупые дочери не прислали нам ни филса. В следующий раз, когда обвинишь маму в том, что она взяла твои деньги, я лично вышвырну тебя к черту. – Никто из сверстников не разговаривал со старшими в таком тоне. Я *была* испорченной.

Мама отлупила меня резиновой шлепкой.

– Не смей больше так разговаривать со своей бабушкой! – Она кричала, и удары шлепки по моей коже чеканили каждое

ее слово. – Если бы твой отец, упокой Господь его душу, был здесь, он бы исполосовал все твое тело ремнем. – Я была рада, что моего отца тогда не было с нами. Вероятно, именно так он бы и поступил.

– Да как ты вообще можешь ее защищать? Она же так ужасно к тебе относится! – закричала я.

Мать выронила шлепку, запыхавшись от устроенной выволочки. С тех пор как умер баба, она все сносила молча. Сделав глубокий вдох и медленно выдохнув, она повела меня на балкон, но только после того, как я извинилась перед ситти Васфией, трижды поцеловала ее руку и промолчала, когда она сказала:

– Ты как дикое животное. Никакого воспитания.

Мама мягко положила руку мне на плечо.

– Давай посидим снаружи и поговорим, *хабибти*, – сказала она. Вот так у нас обычно бывало. Ссора или взбучка заканчивалась в считанные секунды, и мы возвращались к «хабибти» и другим словам любви.

– Ты должна понять. Мы всё, что у нее есть. И глубоко в душе она знает, что ты говоришь правду. Вот почему она сейчас плачет. Но если она притворится, что это из-за меня ее дочери не отвечают на звонки, не навещают ее и не приглашают пожить с ними, то ей не придется принимать реальность, в которой дети ее бросили. Это ужасная судьба.

Я слушала, осознавая, что мама делится со мной чем-то сокровенным. У нашей семьи были секреты; что-то всегда

таилось по углам нашей жизни, невидимое, невысказанное, но просвечивающее сквозь полотно споров, длину пауз, характер взглядов. Например, лишь много лет спустя я узнала, что, вероятно, была зачата до того, как мои родители поженились; мой отец попросил маминой руки, чтобы избежать скандала и позора. Не знаю, правда это или только слухи. Но, может быть, именно поэтому мы почти не общались с маминой семьей.

Я познакомилась с ними, когда в Сирии умерла мамаина бабушка и мы приехали на похороны в их лагерь беженцев в Ярмуке. Все были добры ко мне, брату и маме. Но по тому, сколько тепла и любви было в их общении друг с другом, я поняла, что мама по какой-то причине всегда ютилась где-то на задворках этой семьи. Она не рассказывала, но я подумала, что это из-за меня или потому, что у погибшего еще в их детстве отца она была любимицей.

– Я хочу покурить, хабибти. Сходи, открой третий ящик. У дальней стенки будет завернутая в носки пачка.

Мама всегда лавировала между периодами «пачка сигарет в день» и «пытаюсь бросить». Среди подруг я единственная в том возрасте не пыталась тайком покурить. Я прочитала комикс о том, как западные компании используют табак, чтобы медленно убивать нас и при этом забирать все наши деньги и ресурсы. Отказ от курения был актом протеста, и мне нравилось читать всем лекции о заговоре Запада, но я не хотела портить момент, поэтому, пока на кухне закипал чайник, я

послушно принесла маме «Мальборо».

– Да благословит Господь тебя и все твои дни, дочка, – сказала она, когда я вернулась с чайником, двумя чашками, веточкой свежей мяты, сахаром и затасканной пачкой «Мальборо». Обычно мы смотрели, как под нашим балконом на узкой улочке играют дети, но сегодня был день стирки, и развешенная сушиться одежда загорала обзор. Как учила мама, я повесила джинсы и рубашки брата на внешние веревки, ближе к улице, затем мамины дишдаши. Мои брюки, платья и рубашки висели посередине, скрытые от похотливых взглядов проходящих мимо подростков, и, наконец, на ближайших к стенке балкона веревках мы развешивали нижнее белье. Вместо происходящего на улице я видела лишь наши трусы, развевающиеся на ветру под голубым небом.

Наливая чай, я сказала:

– Мама, хватит терпеть ее выходки. Она ужасна!

– Иногда мне хочется отвезти ее в Амман, чтобы она жила там со своими дочерьми, но это неправильно. – Она прикурила сигарету, затаилась, закрыла глаза и, удовлетворенно вздернув подбородок, выпустила изо рта облако дыма. – Твой отец, упокой Господь его душу, взял с меня обещание заботиться о матери, несмотря ни на что.

Обещания, данные мертвым, непреложны.

Моя мать могла дать отпор ситти Васфии, когда хотела, но в большинстве случаев она просто мирилась с ее харак-

тером. В отличие от меня, мама никогда не устраивала скандалов, если только речь не шла о защите ее детей; однажды именно из-за этого она пригрозила свекрови кухонным ножом. Мне было лет семь, и я просто зашла перекусить перед тем, как снова отправиться играть, но мама настояла, чтобы я осталась дома.

– Кроме того, – поддразнила она, – я думаю, ты уже слишком взрослая, чтобы играть с мальчиками. Они могут подумать, что ты к ним неровно дышишь.

Я не слышала, что сказала ситти Васфия, но моя мама пошла на кухню и вернулась с ножом.

– Клянусь Аллахом и Его Пророком, я отрежу тебе язык, если ты еще раз произнесешь что-нибудь подобное.

Чуть позже я спросила ее, что сказала ситти Васфия. Мама меня прогнала.

– Не лезь куда не просят, это взрослые дела, – сказала она.

В тот день я осталась дома, думая, что по возвращении отца с работы разразится скандал, но, когда он пришел, мама отправила меня к соседям. Что бы они ни обсуждали, это касалось меня. Было что-то, о чем я не знала. Конечно, если бы ситти Васфия увидела меня сейчас, вероятно, распустила бы слух об обстоятельствах моего рождения и сказала бы что-то вроде «яблоко от яблони недалеко падает» или того хуже.

По словам мамы, баба не очень-то любил работать по дому.

– Я же мужчина! А ты чего ожидала? – говорил он.

Но я помню, как он протирал наш стеклянный кофейный столик «Виндексом», новомодной заменой средству для мытья посуды, который указывал на то, что среди обитателей кувейтских трущоб мы принадлежали к среднему классу.

– Ялла, – он жестом приглашал меня составить ему компанию. – Спой, что выучила.

Я затягивала песню «Фаттума» Гаввара ат-Туше. По утрам в выходные, когда мама уходила к соседке выпить кофе, мы разучивали несколько новых строчек и я пела, пока он протирал кофейный столик. Из-за «Виндекса» на стекле появлялись радужные разводы, что приводило меня в восторг. Баба говорил, что это магия «Виндекса». На самом деле мы провели так всего два утра, но память каким-то образом растянула это на все мое детство, как будто мы с отцом пели и убирали каждый день.

При маме мне нельзя петь «Фаттуму».

– Почему? – спросила я баба.

– Она ненавидит эту песню, и нам обоим не поздоровится, если она узнает, что ты поешь ее.

Я разрывалась между любовью к отцу и преданностью матери. Но держала рот на замке, потому что такой уж я человек. Я также подспудно знала, что Фаттума, вероятно, – имя его новой девушки, и маме это тоже было известно.

Мне стоило бы помнить об отце больше. Когда он умер, я была уже достаточно взрослой, чтобы накопить связанные с ним воспоминания. Какое-то время я воображала некото-

рые события, желая, чтобы они происходили на самом деле: отец расчесывает мне волосы, учит чинить машины, посещает школу в родительский день, говорит моим тупым учителям поцеловать его в задницу, плавает вместе со мной в океане, читает мне, носит меня на плечах, заступается за меня перед мамой в день получения табеля с оценками и ставит на место ситти Васфию, когда она говорит, что я тупая как ослица, или когда она заставляет меня мыть рот с мылом за ругательства. Я представляла, что ему, как и мне, надоела мамина швейная машинка «Зингер» и он настаивает, чтобы она перестала шить нам одежду и отвела нас за покупками в торговый центр «Сальмия».

Но все, что осталось от отца, – это человек, который поет песню «Фаттума» и протирает журнальный столик «Виндексом», а затем умирает и превращается в размытый снимок без лица в рамке на стене в давно заброшенной квартире в Кувейте, стране, которая избавилась от нас.

* * *

Мама была беременна мной, когда Израиль сделал ее беженкой во второй раз. После побега из Хайфы в 1948 году она вместе с моим отцом обрела дом в родном поселении ситти Васфии, Айн-ас-Султане. А в июне 1967 года им всем снова пришлось сорваться с места, взяв только то, что поместилось в руках, и пройти пешком более восьми километров

до моста Алленби, чтобы пересечь реку Иордан. Когда они добрались, на мосту была такая давка, что он в конце концов рухнул, как раз в тот момент, когда мама собиралась переходить. Несколько человек упало, и им пришлось ждать помощи. Кому-то так и не удалось выбраться. Но остальные продолжили пробираться по обрушенному мосту, цепляясь за тросы и обломки прямо в воде. Мама рассказывала: «Когда мы с твоим отцом переходили мост, я просто молилась Богу и заключила сделку с рекой. Я пообещала, что назову тебя в ее честь, если она не поглотит нас».

Но было бы слишком странно называть меня Иордан. Так что я получила имя Нахр. *Река*.

Отец оставил нас в безопасности в Иордании и, рискуя своей жизнью, отправился обратно в Палестину. Еще с первого раза в 1948 году палестинцы поняли, что уехать и спастись означает потерять все, в том числе и возможность вернуться. Вот почему на протяжении долгих месяцев баба жил один в нашем пустом доме, соблюдая комендантский час, пока Израиль укреплял свою власть над всей Палестиной. Должно быть, ему было больно находиться одному в жутковатой тишине опустевшего дома, где он рос с братьями и сестрами, окруженный будничной суетой большой семьи. И все же он остался и получил *хавийу*; отныне он мог находиться в Палестине в качестве резидента, в своем же родном доме. Он сказал, что это лучше, чем быть беженцем.

Баба приехал к нам, как только смог. Но его долгое отсут-

ствие раскололо нашу семью, и, когда я появилась на свет, мои родители уже перебрались в Кувейт, где отец трахал первую из своих многочисленных подружек. Ее звали Якут, и именно это имя – а не Нахр – он записал в моем свидетельстве о рождении, не посоветовавшись с моей матерью. Вероятно, он был с Якут в ночь, когда у мамы начались схватки, скорее всего, был немного пьян, когда приехал в больницу, и все еще пребывал в неге романтического вечера, когда неосознанно назвал меня в честь своей новой любовницы, очевидно недооценив мамину сметливость и гнев.

Для палестинцев Якут – нетипичное имя. Оно чаще встречается у иракцев, вот почему я думаю, что любовницей моего отца была дочь Вавилона. Оно означает «рубин» – конечно, богатое и звучное арабское имя, спору нет. Но когда мама увидела свидетельство о рождении, она закричала, заплакала и ударила моего отца. Она разбила все тарелки в нашем доме, швырнув несколько в него, мечущегося то влево, то вправо. Он дал ей выпустить пар, извинился, поклялся, что мама была единственной женщиной, которую он любил, и пообещал, что больше так не поступит. Вероятно, после этого они занялись любовью, и какое-то время между ними царил идилия, а затем этот сценарий повторился с другой женщиной.

Забеременев во второй раз, мама пригрозила убить моего отца, если он назовет ребенка именем одной из своих «шлюх», но родился мальчик, и все ее тревоги исчезли. Отец

назвал его Васфи, в честь своей матери, ситти Васфии, что, по мнению мамы, было ничуть не лучше. Нечего и говорить, что мама никогда не использовала имена, указанные в свидетельствах о рождении. Она держала данное реке обещание и звала меня Нахр. Брата Васфи звала Джахад, это имя она выбрала сама, что стало еще одним предметом споров между ней и ситти Васфией.

Только члены семьи и несколько человек из школьной администрации знали, что мое настоящее имя – Якут, и – будто здесь не обошлось без Провидения – когда американцы свергли Саддама и кувейтская полиция искала девушку по имени Нахр, мое удостоверение личности отвело от меня подозрения.

Моему брату повезло меньше. Его звали каким-либо из двух имен или сразу двумя – Васфи Джахад. Когда кувейтская полиция начала охоту на палестинцев, чтобы отомстить за то, что Ясир Арафат перешел на сторону Саддама, они знали, кого ищут.

Джахаду было всего три года, когда баба умер от сердечного приступа на руках у чужой женщины. Мама соврала и сказала, что он был дома, когда это произошло. Она сочинила историю со всеми подробностями, которые менялись от раза к разу. «На нем была красная фланелевая пижама, которую я ему купила», – как-то рассказала она. В другой раз он оказывался в зеленой пижаме или просто в нижнем белье. В этой версии ей приходилось быстро одевать его, пока

не приехала скорая. Мама была ужасной лгуньей, но правда оказалась слишком унижительной, пускай все ее и так знали, и мама знала, что они знают. Ложь нужна была не только для того, чтобы защитить нас с мамой от позора. Я думаю, она хотела защитить и баба тоже. Несмотря ни на что, мама очень любила отца. И он по-своему любил ее.

Однажды в пылу спора о деньгах (а речь обычно шла только о деньгах) ситти Васфия обвинила маму в смерти отца, ее единственного сына.

– Если бы ты была хорошей женой, он не ходил бы к другим женщинам, – буднично сказала ситти Васфия, как если бы положила в рот приготовленную мамой еду.

– Если бы ты воспитала мужчину, который знает, как держать свой член в штанах и приносить деньги в семью, вместо того чтобы тратить их на шлюх, нам бы сейчас не о чем было спорить, – парировала мама.

Тем вечером я слышала, как она просит прощения за сказанное у моего умершего отца. «Я прощаю тебя, любовь моя. Я скучаю по тебе», – мягко произнесла она в пустоту.

* * *

Палестинцы, которые были изгнаны из своих домов в Иерусалиме, Хайфе, Яффе, Акке, Дженине, Вифлееме, Газе, Наблусе, Назарете, Мадждеале и во всех крупных палестинских городах, нашли пристанище в Кувейте. Нефтяной бум

предоставил возможность начать там новую жизнь. Хотя Кувейт никогда не предоставлял нам ничего, кроме временного проживания, давая понять, что мы там всегда лишь в статусе гостей, палестинцы процветали и оказали большое влияние на образ Кувейта, каким его знает мир сейчас. Мы участвовали почти во всех сферах жизни и вносили свой вклад, но оставались низшим классом.

Я знала это, но это ничего для меня не значило. Я любила Кувейт. Он был моим домом, и я была верной подданной королевской семьи. Каждый день в школе я вместе с другими учениками вставала в шеренгу, чтобы спеть национальный гимн. Я пела со страстью и с преданностью сменявшим друг друга эмирам Кувейта. Я скорбела, когда в 1977 году умер эмир Сабах Салем ас-Сабах. И каждое двадцать пятое февраля мы устраивали безумные вечеринки, чтобы отпраздновать День независимости Кувейта, как будто речь шла о нашей собственной независимости.

В кувейтцах мне нравилось все – их изящные халиджийские *саубы*, их *мачбус* с подрумяненной курочкой и острым соусом, их *диваниш*, традиционные ныряния за жемчугом и народные обычаи. Я даже выучила их диалект и танцевала халиджи «лучше, чем лучшие из них». Так мне кто-то сказал. В восьмом классе меня даже взяли в основную труппу, которая выступала на празднике в честь королевской семьи в День независимости с трансляцией по телевидению. Но, в отличие от остальных, на следующий год меня не пригласи-

ли, потому что люди настрочили жалоб, утверждая, что такая честь должна быть оказана только кувейтским детям.

– Им не нравится, когда палестинцы хоть в чем-то их превосходят, – сказала мама, чтобы подбодрить меня, но это лишь усилило раздражение. Мне не нравилось, когда она негативно отзывалась о кувейтцах. Для нее все сводилось к палестинской идентичности и тому, что весь мир ополчился на нас. Только пройдя сквозь время, войну и тюрьму, я поняла почему.

– Видела, как все тут набросились на зейт-о-заатар, подражая нам? – Она громко рассмеялась.

Я разглядела пломбы у нее во рту. Теперь, одна в Кубе, я смеюсь, вспоминая этот день, и мне кажется, что серебряные пломбы, которые я помню, – мои собственные. Я говорю маме, что мне очень нравилось, когда она так хохотала. Охранники привыкли, что я веду беседы со стенами. Я знаю, что, кроме меня, тут никого нет. У меня нет галлюцинаций. Но память рисует перед глазами картинку более живую, чем реальность. Я вижу, чувствую и слышу Джехада, ситти Васфию, маму, баба. Но чаще всего я здесь с Билялем.

* * *

Когда я росла, не было мобильных телефонов и компьютеров, а телевизор показывал всего два канала – один на арабском, другой на английском с субтитрами. Передачи начина-

лись вечером и заканчивались в полночь. В начале и в конце эфира оба канала пускали чтение сур из Корана; детьми мы нетерпеливо ждали, когда закончат читать и мы сможем посмотреть мультики («Том и Джерри» или «Хитрый койот и Дорожный бегун»), за которыми шли мыльные оперы. Раз в неделю по каждому каналу показывали фильм, прошедший жесткую цензуру, вырезавшую любые намеки на физическую близость, поэтому я ни разу не видела влюбленных, которые хотя бы держатся за руки. Было заметно, где сцену порезали. Сначала шел кадр, где герои, пристально глядя друг другу в глаза, наклоняются для поцелуя, а через секунду они уже стоят, отдалившись. Картинка дергалась, побуждая нас дорисовывать в воображении поцелуй или нечто большее. Мне не то чтобы это удавалось. Я могла представить то, о чем уже имела представление, – а это был лишь простой поцелуй в губы, пока Суад Марзук не сообщила нам, группе оголтелых четырнадцатилетних подростков, что взрослые целуются с языком. Мы подумали, что она врет, но все равно решили попрактиковаться друг с другом. К шестнадцати годам я думала, что знаю о любви все. Нам с подругами удалось достать один или два непристойных журнала. Однажды мы даже стащили видеокассету с порно.

Я была прирожденной кокеткой и щедро пользовалась вниманием мальчишек, но у меня никогда не было настоящего парня, как у некоторых моих подруг. Они тайно встречались в парке, чтобы просто подержаться за руки. Мы счи-

тали себя смелыми и дерзкими, но самое большое, на что некоторые из нас могли пойти, – это поцелуй. Я верила заповедям моего мира, что Бог предназначил для меня единственного мужчину и жизнь начнется тогда, когда я найду его. Мое тело пылало огнем при мысли о замужестве и детях, прямо как у актеров в порнофильме.

Мне было семнадцать, когда я познакомилась с Мухаммадом. Ему было двадцать пять. Он жил на родине, в Палестине, а в Кувейт приехал навестить тетю, Умм Насим, нашу соседку этажом выше. Мы все видели в новостях месяцами назад, как его освободили из израильской тюрьмы, и теперь мои подруги завидовали, что он живет в нашем доме.

– Он такой же красавчик, как и по телику? – спросила одна. Я еще не видела его лично, но по телевизору он показался мне обычным и старым.

– Я слышала, он ищет себе жену после семи лет, проведенных в тюрьме, – сказала другая.

– Нахр, мы же можем позависать у тебя дома? – спросила третья.

– Да что с вами не так? В мире что – закончились мальчики нашего возраста? – шикнула я на них.

Они смотрели на меня как на ненормальную.

Мухаммад Джалаля Абу Джабаль был настоящим героем, партизаном, ответственным за операции сопротивления. Мои друзья сказали, что он был схвачен после того, как в одиночку убил двух сионистских солдат – те убили двух его

друзей-мучеников, упокой, Господи, их души.

– Одного из них он зарезал, а в другого выстрелил из пистолета, – объяснили они мне.

– И?

– Он не мальчик. Он мужчина. Знаменитый борец за свободу, – сказала Сабах, втянув воздух сквозь зубы, насмехаясь над моим невежеством. Я терпеть не могла, когда она так делала, особенно на глазах у других девочек.

Сабах жила в соседнем доме, и мы были знакомы, сколько я себя помню. Наша дружба была основана как на соперничестве и ревности, так и на любви и близком знакомстве. Мы знали секреты друг друга, у нас была общая история, и мы защищали друг друга от посторонних, постоянно стараясь при этом превзойти одна другую, и иногда соревновались за внимание одних и тех же мальчиков.

– Он задал там всем жару. Раз тебя не волнует, что происходит сейчас с Палестиной, то и это тебе до лампочки. Но многие из нас ценят то, чем он пожертвовал в борьбе за свободу, – продолжила Сабах.

Сабах ни черта не знала о Палестине. И никто из нас. До нас долетали лишь обрывки из новостей и разговоров взрослых, которые раньше там жили. По правде говоря, мы и не стремились узнать. Мы были дочерьми Кувейта, хотя никогда не смогли бы стать гражданками этой страны.

– Завались, Сабах. Возможно, он женится на тебе. Иди попробуй! – сказала я.

Как только я осознала, что Сабах интересен этот новенький, то тоже захотела его заполучить. Я была милевиднее и танцевала лучше. Хотя и уродкой она не была и умом меня превосходила. Она играла на гитаре, и это меня раздражало, потому что она могла увлечь любого, когда начинала играть. К счастью, она была неуверенной в себе и застенчивой и в основном играла наедине или в кругу близких друзей.

В течение следующих нескольких дней я собирала по кусочкам историю Мухаммада из разговоров ситти Васфии, мамы и соседей. Мухаммад происходил из известной семьи с обширными земельными владениями, хотя бóльшая их часть уже была конфискована сионистской организацией – так называли Израиль, как будто он исчезнет, если мы не будем произносить его название. Они схватили его и пытали в течение восьми дней, прежде чем он наконец подписал признание на иврите, которое не мог прочитать, в котором говорилось, что он был одним из трех человек, напавших на трех солдат и убивших двоих из них. Выживший солдат не видел его во время нападения, но были другие свидетели, которые также под пытками признались, что видели его неподалеку от места нападения. Он предстал перед военным трибуналом и был приговорен к пожизненному заключению. Они сказали, что он мог бы добиться смягчения приговора, если бы выдал своего младшего брата Биляля, который бежал в Иорданию. Но он утверждал, что его брат не имеет никакого отношения к убийствам, что отъезд Биляля был простым сов-

падением. В конце концов он признался в убийстве двух израильских солдат, взрыве склада военного снабжения месяцем ранее и планировании серии нападений на гражданских лиц. Семь лет спустя его освободили в результате странного обмена пленными, организованного при посредничестве нового любимца Израиля, президента Египта Хосни Мубарака. После этого он появился в Кувейте.

Никто не верил, что Биляль никак не связан с произошедшим в тот роковой день. Уже в пятнадцать лет он был заключен в тюрьму за протест против создания еврейского поселения и снискал славу прирожденного лидера. В изгнании, во время учебы в университете, Биляль призывал других вступить в сопротивление. Он был очень нужен Израилю. Они пытались достать его живым или мертвым, но потерпели неудачу. В конечном счете Биляль сам предложил сделку – свободу Мухаммада в обмен на его жизнь. Ко всеобщему удивлению, Израиль согласился. Стало ясно, что Биляль был для них более ценной добычей, чем многие предполагали. Я думаю, Израиль уже тогда знал то, что мне открылось лишь много лет спустя: ничто в признании Мухаммада на самом деле не было правдой.

Чтобы исключить повторный арест его брата Израилем, Биляль потребовал, чтобы Мухаммада через Красный Крест передали Ливану, Кувейту, Иордании, Тунису или любой другой арабской стране, которая согласилась бы принять его, за исключением Египта, потому что Египет мог выдать его

Израилю.

Мухаммад проехал через несколько стран, прежде чем оказался в доме своей тети в Кувейте. Мы не знали почему. Некоторые говорили, что это лучшее место, где можно избежать повторного ареста после того, как Израиль заполучил Биляля, потому что Кувейт был настоящим убежищем для палестинцев. Некоторые утверждали, что из-за сделки он никогда не сможет вернуться в Палестину и его не примут где-либо еще. Другие говорили, что он приехал в Кувейт в поисках работы. Сабах была уверена, что он приехал, чтобы найти жену. «Я слышала, его мама в Палестине очень хочет, чтобы он женился», – сказала она.

Но теперь я знаю, что переезды с места на место – это всего лишь то, что приходится делать изгнанникам. Какова бы ни была причина, земля под нашими ногами никогда не бывает твердой.

* * *

Той весной 1985 года я бесстыдно флиртовала с Мухаммадом. Сначала это была игра, негласное соревнование между мной и Сабах. Но когда я поняла, что он не проявляет интереса, то потратила уйму времени, выслеживая его, чтобы подстроить несколько «случайных» встреч на лестничной клетке нашего дома. Он был действительно красив, и я вдруг осознала, что постоянно думаю о нем, несмотря на нашу раз-

ницу в возрасте.

– Поздравляю, Нахр. – Сабах закатила глаза. – Ты бросила ему «привет» на лестничной клетке. Это прорыв.

Я наслаждалась реакцией Сабах, которую воспринимала как ревность.

– И не просто «привет», – сказала я и добавила, что он планирует пойти на свадьбу, которую устраивают соседи. – Сказал, что хочет увидеть, как я танцую, – соврала я.

Все вокруг взвизгнули, но Сабах не проронила ни слова.

Мой план сработал. И хотя мама в тот день заставила меня прекратить танцевать после нескольких песен – «Это уже слишком, Нахр!» – сказала она, – я знала, что привлекла его внимание. В тот вечер он не мог отвести от меня глаз. Я мало что помню о том лете, лишь то, как сообщила подругам, что нашла человека, предназначенного мне Богом.

Мы с Мухаммадом регулярно встречались на пляже, в парках и торговых центрах. Мои подруги, даже Сабах, прикрывали меня перед мамой. Он рассказывал мне истории о жизни в Палестине, которые сильно отличались от историй бабушки и родителей. В его Палестине молодежь веселилась всю ночь – они танцевали на вечеринках, ходили в кафе, парки и клубы. В то время палестинцам все еще разрешалось посещать средиземноморский пляж, и мы говорили о нашей общей любви к океану. Он хотел узнать о моей жизни. Он не любил пустынную жару и с трудом приспособился к ней в Кувейте. Он сказал, что уехал бы несколько недель назад,

если бы не встретил меня. «Твоя дружба значит для меня очень многое», – сказал он. Он казался уязвимым и нуждался во мне, поэтому-то я и поверила, что люблю его. Я сказала ему об этом. Несколько месяцев спустя он и семья его тети были в нашем доме и просили моей руки.

Я нафантазировала себе сказочную любовь и секс, собственный дом, детей и работу, как у всех прогрессивных женщин, – возможно, в качестве секретарши в элегантном костюме, словно с обложки женских журналов. Все мысли занял выбор новейшей бытовой техники, подходящей для жизни, о которой я мечтала. Стиральная машинка, которую мы включали раз в полгода – и, чтобы отжать воду, каждую вещь вручную приходилось прокатывать между валиками, – никуда не годилась. А у кого-то были даже посудомойки, которые мыли, споласкивали и сушили посуду. Я хотела такую, и Мухаммад пообещал, что у меня она будет. Я вообразила, как все подруги мне завидуют.

Ситти Васфия была рада, хотя и с подозрением отнеслась к бытовой технике. «Я не доверяю машинам мыть посуду. Они не моют ее дочиста. У вас заведутся жуки. И ноги моей не будет в вашем доме», – предостерегала она.

Мама советовала мне не торопиться с принятием такого важного решения. Она считала, что Мухаммад слишком взрослый для меня, и годы спустя призналась, что чуть было не запретила мне выходить за него замуж, но мой безудержный энтузиазм и восторг заставили ее усомниться в своих

инстинктах. «Ты была самой яркой личностью в семье, и, не осознавая этого, мы уступали твоим желаниям», – сказала она мне. Я думала тогда, что мамины сомнения – плод неуместного беспокойства той, чей брак не сложился, и рассудила, что моя история начнется не так, как ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.